

Е. В. УСТИНОВА

**ОБРАЗЫ КВАРТАЛЬНЫХ НАДЗИРАТЕЛЕЙ
В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ РОМАНА
ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»**

Детективную линию романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» обычно связывают с приставом следственных дел Порфирием Петровичем, двойником-антиподом Раскольниковца, человеком, олицетворяющим собой государственное правосудие. Наблюдательность Порфирия, его блестящее логическое мышление, знание человеческой психологии, а также собственное «вольнодумное» прошлое позволяют ему сделать правильные выводы из увиденного и услышанного и обнаружить настоящего преступника. Однако не один Порфирий принял участие в поисках убийцы Алены Ивановны, не один Порфирий пролил свет на истинную сущность убеждений Раскольниковца, и наконец, не Порфирий, а совершенно другой человек принял явку с повинной главного героя. В нашей статье мы намерены рассмотреть образы квартального надзирателя Никодима Фомича и его помощника, Ильи Петровича, сыгравших свою заметную роль в изобличении истинного убийцы старухи-процентщицы и раскрытии смысла теории «крови по совести» (6, 202).

С Ильей Петровичем и Никодимом Фомичом Раскольников впервые встречается, придя по повестке в контору на следующий день после убийства. В его присутствии они ведут разговор о вчерашнем преступлении. По делу арестованы Кох и Пестряков, обнаружившие трупы, но Никодим Фомич сомневается в их виновности и с «жаром» (6, 82) спорит об этом со своим помощником. Его описание предполагаемых действий преступника полностью совпадает с тем, как в действительности повел себя Раскольников, оказавшись за закрытой дверью.¹ Для Ильи Петровича сомнения его начальника получают немедленное подтверждение в обмороке Раскольниковца, последовавшем непосредственно за их разговором. О том, что именно помощник квартального надзирателя первым заподозрил главного героя в причастности к убийству, мы узнаем благодаря Заметову:

¹ Любопытно, что у «сомневающегося» персонажа соответствующее отчество — Фомич.

«Илья Петрович — болван!» (6, 129) — думает он после разговора с Раскольниковым в трактире. Со слов Заметова об этом же пробалтывается пьяный Разумихин: «Главное, этот Илья Петрович! Он тогда воспользовался твоим обмороком в конторе, да и самому потом стыдно стало...» (6, 149). Своими подозрениями насчет главного героя поручик Порох делится с Никодимом Фомичом и Заметовым. Заметов, познакомившись на новоселье у Разумихина с Порфирием, сообщает следователю все, что ему известно о Раскольникове. Таким образом, процесс травли настоящего убийцы запускается Никодимом Фомичом, усомнившимся в виновности Коха и Пестрякова и Ильей Петровичем, обратившим внимание на странный обморок главного героя.

Явку Раскольникова с повинной также принимает Илья Петрович, случайно оказавшийся в конторе. По дороге Раскольников мучительно размышляет: «Нельзя ли к Никодиму Фомичу? (...) Нет, нет! К Пороху, к Пороху! Пить, так пить все разом...» (6, 406). Главный герой воспринимает квартального надзирателя и его помощника как антиподов, причем первому из них он хочет повиниться в содеянном уже на следующий день после убийства, второго ассоциирует с чашей бедствий, которую ему предстоит испить до конца, сознавшись в преступлении. Истоки подобного отношения следует искать в первой встрече Раскольникова с обоими персонажами, во многом объясняющей дальнейшую романную судьбу героя. Нервы преступника, пришедшего в контору по повестке и ожидающего немедленной развязки, напряжены до предела. В окружающей обстановке, в лицах людей он пытается найти подтверждение или опровержение своей догадки. К тому же герой невыносимо боится думать о вчерашнем: «Он старался прицепиться к чему-нибудь и о чем бы нибудь думать, о совершенно постороннем, но это совсем не удавалось» (6, 75—76). В этот момент появляется Илья Петрович, «помощник квартального надзирателя, с горизонтально торчавшими в обе стороны рыжеватыми усами и чрезвычайно мелкими чертами лица, ничего, впрочем, особенного кроме мелкого нахальства не выражавшими» (6, 76). Его задевает облик Раскольникова, у которого «все еще не по костюму была осанка» (6, 76), и он бросает на него «молниеносный взгляд» (6, 76). Вообще на протяжении всего эпизода определения и сравнения, указывающие на «родство» поручика с огнем и молнией, встречаются 15 раз («горячий поручик» (6, 77), «вскипевший поручик» (6, 78), «поручик-порох» (6, 80), «нечто вроде грома и молнии» (6, 78), «опять грохот, опять гром и молния, смерч, ураган» (6, 79) и др.). Имя у героя-громовержца вполне символическое — Илья. Пророк Илия, о котором рассказывается в 3-й Книге Царств, вызвал огонь с неба и таким образом принес тельца в жертву Господу. В данной сцене в роли тельца оказывается Раскольников, принесенный в жертву поручикову гневу. Библейская семантика, правда, тут же искажается

упоминанием о том, что Порох набросился на Луизу Ивановну «всеми перунами» (6, 78) Перун — славянское божество войны, грома и молнии, покровитель воинов Илья Петрович хочет показать себя борцом за справедливость, однако за его гневными выкриками стоит лишь упоение своей мелкой властью Замечательно, что ранее главный герой также сравнивает себя с языческим громовержцем, правда иронически « миллионер будущий, Зевес, их (матери и сестры — Е У) судьбою располагающий» (6, 38) В конторе же его опускают с небес на землю, переводя в разряд «тварей дрожащих» (6, 322), над которыми он так мечтал восторжествовать

Выходит, что для Раскольниковва встреча с Ильей Петровичем — первый круг ада, геенны огненной, однако эта встреча доставляет ему «невыразимое наслаждение» (6, 77) Он ищет исхода в борьбе, позволяющей отвлечься от сражения с призраками собственной души, направить свой гнев на реальных противников Это состояние вернется к нему ближе к развязке произведения « чем уединеннее было место, тем сильнее он сознавал как будто чье-то близкое и тревожное присутствие, не то чтобы страшное, а как-то уж очень досаждающее () было что-то требующее немедленного разрешения, но чего ни осмыслить, ни словами нельзя было передать „Нет, уж лучше бы какая-нибудь борьба! Лучше бы опять Порфирий или Свидригайлов Поскорей бы опять какой-нибудь вызов, чье-нибудь нападение “» (6, 337) Раскольников выберет борьбу и в самый последний момент, уже на пороге наказания, испытывая отвращение к собственной покорности

Прочитав в конторской книге о взыскании денег, Раскольников в течение минуты испытывает «полную, непосредственную, чисто животную радость» Бурный разнос, устроенный Ильей Петровичем Луизе Ивановне, чрезвычайно развлекает его «Он слушал с удовольствием, так даже, что хотелось хохотать, хохотать, хохотать » (6, 78) Однако тут же автор отмечает «Все нервы его так и прыгали» (6, 78) Это нервный хохот, истерический хохот преступника, скрывшегося от преследования Во время этой сцены появляется Никодим Фомич, квартальный надзиратель, «видный офицер с открытым свежим лицом и с превосходными густейшими белокуроыми бакенами» (6, 79) И по внешности, и по поведению он являет собой полную противоположность своему заместителю его любезное обращение смягчает гнев Ильи Петровича, а у Раскольниковва вдруг вызывает желание «сказать им всем что-нибудь необыкновенно приятное» (6, 80) Стараясь установить контакт с окружающими, он пускается в пространный рассказ об обстоятельствах появления заемного письма Боль Раскольниковва никуда не ушла, она просто ищет иной исход — в близости к людям, душевном общении с ними Хамство поручика Пороха на какое-то время обрывает и эту тонкую нить (до второй встречи с семейством Мармеладовых) «Мрачное ощущение мучительного, бесконечного

уединения и отчуждения вдруг сознательно сказались душе его. Не низость его сердечных излияний перед Ильей Петровичем, не низость и поручикова торжества над ним перевернули вдруг так ему сердце (...) Не то чтоб он понимал, но он ясно ощущал, всю силою ощущения, что не только с чувствительными экспансивностями, как давеча, но даже с чем бы то ни было ему уже нельзя более обращаться к этим людям в квартальной конторе, и будь это все его родные братья и сестры, а не квартальные поручики, то и тогда ему совершенно незачем было бы обращаться к ним и даже ни в каком случае жизни...» (6, 81—82). Это ощущение разъединения со всем живым оказывается настолько мучительным, что Раскольников едва не признается в содеянном Никодиму Фомичу. Выбор адресата признания не случаен: с этого момента и до самого конца романа Илья Петрович становится для «убийца» (6, 209) олицетворением несправедливости, грубости, бесчувственности,² Никодим Фомич — воплощением чуткости, добросердечия и справедливости, предвестием подлинно народного, не злорадного суда, того, которым много позже осудит «убийцу по совести» Соня. Это сближает героев с Порфирием Петровичем, с двумя сторонами его души, показанными в «Преступлении и наказании»: неутомимым и жестоким преследователем и человеком «с сердцем и совестью» (6, 345). Признаться в содеянном Раскольникову мешает обморок, и в этом проявляется его судьба: он еще не встретил Сонечку, а значит, умерев, уже никогда не воскреснет. Признание, продиктованное лишь страхом, не более чем фикция, поэтому автор проводит героя через многочисленные душевные мытарства, помогая ему прийти к истинному покаянию. Соня приводит героя к признанию собственной вины не путем страха, но путем любви.

Здесь будет уместно рассмотреть отношения Раскольникова с полицейской конторой вообще. Полицейские встречаются на его пути на протяжении всего романа и всякий раз не случайно. Каждая такая встреча происходит после какого-либо ключевого события. Самый первый из ряда подобных эпизодов — сцена с пьяной девочкой на бульваре. Раскольников думает о письме матери и чувствует, что его «проклятая мечта» (6, 50) «явилась вдруг не мечтой, а в каком-то новом, грозном и совсем незнакомом ему виде» (6, 39). Девочка и преследующий ее франт отвлекают героя от мрачных мыслей. В поисках справедливости он обращается за помощью к городовому с «бравым солдатским лицом с седыми усами и бакенбардами и с толковым взглядом» (6, 41). Тот относится к жертве насилия с «искренним состраданием» (6, 41) и соглашается препроводить ее домой. И внешностью, и манерой поведения он чем-то неуловимо напоминает Никодима Фомича. Символична его фраза, повторенная

² Отсюда и его отчество, образованное от имени «Петр» — в переводе с греческого — «камень»

дважды: «Эх, разврат-то как ноне пошел!» (6, 42). Эти слова в полной мере можно отнести и к Раскольникову: его ум развращен, потому и не находит себе покоя.

На следующий день после убийства герой появляется в конторе. Это новая контора в новой жизни «убивца», наступившей после смерти старухи-процентщицы. Она встречает его неприветливо: «...духота <...> чрезвычайная», «крошечные и низенькие комнаты» (6, 75) напоминают могилы. Это присподняя, а не контора, отсюда герою предстоит начать свое восхождение наверх, здесь он впервые чувствует, что ему не хватает воздуха, здесь он впервые встречает своего карикатурного двойника — безымянного писца: «Это был какой-то особенно взъерошенный человек с неподвижной идеей во взгляде.

«„От этого ничего не узнаешь, потому что ему все равно“, — подумал Раскольников» (6, 75).

На самом деле еще болезненнее, чем чужую злобу или чужое сострадание, идеолог «крови по совести» (6, 202) переживает чужое равнодушие. В Илье Петровиче и Заметове он видит полное безразличие к чувствам окружающих, в результате чего в течение долгого времени у него сохраняется восприятие конторы как предполагаемого места будущей казни, своеобразной Голгофы. Однако казенное правосудие в лице полицейских, встреченных Раскольниковым во время скитаний по петербургским улицам, ведет себя несколько иначе. Они скорее следуют примеру Никодима Фомича, постепенно убеждая героя в том, что контора — это не только пыточная для его непокорного духа, это действительно место, где он может освободиться от тяжелого душевного груза. Раскольникову не так-то просто примирить между собой два практически противоположных представления об одном и том же предмете, поэтому все попытки признания, предпринимаемые до исповеди Соне, сопровождаются злобной иронией с его стороны. Сцена в «Пале де кристалль» особенно показательна в этом отношении. «Убивец» (6, 209) издевается над письмоводителем, презрительно обошедшимся с ним в конторе, называет его «добреющим мальчиком» (6, 124) и под конец ошарашивает признанием: «А что, если это я старуху и Лизавету убил?» (6, 128). Автор отмечает, что во время данного разговора герою постоянно хотелось «хохотать» (6, 126), так же как до этого в конторе, так же как сразу после убийства, когда он прятался от Коха и Пестрякова за запертой дверью. Однако чувство злобного превосходства над недалекими квартальными быстро сменяется ощущением глубочайшей безысходности. Его дух был пьян ощущением собственного всемогущества, но эйфория быстро сменилась похмельем. После разговора в трактире он стоит на мосту и наблюдает за тем, как городской спасает пьяную мешанку от самоубийства. Кто-то крикнул про контору и вывел героя из состояния оцепенения. Мысли о суициде, очевидно, уже мелькали

в его воспаленном мозгу, однако воспоминание о возможной явке с повинной становится спасительной соломинкой, за которую он хватается, правда, пока еще только одной рукой: «Какой, однако же, конец! Неужели конец? Скажу я им иль не скажу?» (6, 132). Странный разговор с дворником во дворе старухино дома происходит именно потому, что «убивец» «уж наверно решил про контору и твердо знал, что сейчас все кончится» (6, 136), однако он боится идти туда сам, поэтому и пытается спровоцировать других отвести его туда. На сей раз явке с повинной мешает смерть Мармеладова, снова сталкивающая героя с полицейскими. Они помогают переносить раздавленного в его квартиру, прогоняют посторонний народ на лестницу, приводят священника. Снова перед нами «добрые» полицейские во главе с Никодимом Фомичом, «пожелавшим распорядиться лично» (6, 145). Позже, сразу после наконец-то произнесенного признания, пока еще не квартальному надзирателю, а Соне, герою снова, уже в последний раз, встретится с городовым. Тот пытается остановить представление полусвихнувшейся Катерины Ивановны, у которой нет надлежащего разрешения, а когда она падает без сил на мостовой, помогает перенести ее в Сонину квартиру. По загадочному стечению обстоятельств среди встреченных героем полицейских нет ни одного «ильи петровича», все они сплошь «никодимы фомичи». Судьба, ведущая героя к явке с повинной извилистыми тропами, словно подсказывает ему, что никуда ему от государственной машины преследования не скрыться, но у нее тоже есть и «сердце», и «совесть». Одной Соне его пьяный чужой кровью дух не излечить, а людям в форме также «ничто человеческое не чуждо», они не меньше, чем простые смертные, способны к искреннему состраданию.

Имя квартального надзирателя вполне соответствует его облику, сложившемуся в сознании Раскольникова: оно образовано от греческих слов *nikē* — победа и *dēmos* — народ.³ В сцене смерти Мармеладова Достоевский делает этого героя участником так называемого «народного хора», судящего убийцу на протяжении всего романа. Выходя из квартиры умершего, Раскольников сталкивается в толпе с Никодимом Фомичом и между ними происходит следующий диалог:

«...Не беспокойте очень бедную женщину <...> Ободрите ее, чем можете <...> Ведь вы добрый человек, я знаю... — прибавил он (Раскольников. — *Е. У.*) с усмешкой, смотря ему (Никодиму Фомичу. — *Е. У.*) прямо в глаза.

— А как вы, однако ж, кровью замочились, — заметил Никодим Фомич, разглядев при свете фонаря несколько свежих пятен на жилете Раскольникова.

— Да, замочился... я весь в крови! — проговорил с каким-то особенным видом Раскольников...» (6, 145).

³ *Петровский Н. А.* Словарь русских личных имен. М., 1966. С. 166.

Здесь фактически повторяется разговор Раскольников с Настасьей после сна об избииении хозяйки В данной ситуации, по выражению М С Альтмана, «язык () оказался мудрее говорящего»⁴ Никодим Фомич, сам того не зная, произносит обличение и выслушивает в ответ признание, пока еще не полное, скрытое, еще только намек на будущее признание главного героя Соне В этой сцене Раскольников говорит о доброте собеседника с усмешкой, потому что сейчас чья бы то ни было доброта невыносима для него

Тем не менее, считая Никодима Фомича за доброго и справедливого человека, именно ему несостоявшийся Наполеон мечтает принести явку с повинной Однако по пути в контору он неожиданно принимает совершенно противоположное решение «Если уж надо выпить эту чашу, то не все ли равно? Чем гаже, тем лучше К Пороху, к Пороху! Пить, так пить все разом » (6, 406) Маловероятно, чтобы за этими словами «кровапроливца» (6, 200) стояло искреннее смирение перед необходимостью повиниться Все обстоит совершенно иначе Имя квартального надзирателя отсылает нас к Евангелию от Иоанна, тому самому, которое читает Раскольникову Соня Там говорится о Никодиме, одном из «начальников иудейских» (Ин 3 2) Он тайно навещает Христа ночью и беседует с ним В завершение беседы Иисус произносит такие слова « всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы, а поступающий по правде идет к свету, дабы были явны дела его, потому что они в Боге соделаны» (Ин 3 21—22)⁵ Герои не желают чувствовать себя злодеем, не желают признавать собственную неправоту Кроме того, Раскольников не может вынести собственной покорности, он жаждет борьбы даже на краю пропасти, в которую сам себя сталкивает Разговор героев строится по принципу кажущегося несоответствия между репликами говорящих и смыслом, заложенным в них автором, обычная на первый взгляд болтовня приобретает сокровенный смысл Уже самая первая фраза Пороха «ставит диагноз» теории «крови по совести» « а русский дух как это там в сказке забыл!» (6, 406) С этими словами причудливым образом соотносится еще один пассаж поручика «Шляпа есть блин, я ее у Циммермана куплю, но что под шляпой сохраняется и шляпой прикрывается, того уж я не куплю-с!» (6, 407) В начале романа пьяный, увидевший Раскольника на улице в циммермановской шляпе, обозвал его «немецким шляпником» Увлечшись «наполеоновскими» идеями, пыта-

⁴ Альтман М С Достоевский По вехам имен Саратов, 1975 С 231—232

⁵ Еще одна параллель между св Никодимом и Никодимом Фомичом заступаясь за Иисуса перед первосвященниками и фарисеями, св Никодим говорит следующее « судит ли закон наш человека если прежде не выслушают сго и не узнают, что он делает?» (Ин 7 51) По этому же принципу построены рассуждения квартального надзирателя о виновности Коха и Пестрякова

ясь убить в себе «натуру», Раскольников почти утратил связь с родной почвой, однако довести процесс омертвления собственной души до конца ему не удалось: «русский дух» постоянно напоминает о себе.

Наряду с «диагнозом» в речи Ильи Петровича содержатся и возможные оправдания раскольниковского учения: «Да кто же из литераторов и ученых первоначально не делал оригинальных шагов (...) Вам все эти красоты жизни, можно сказать — nihil est, аскет, монах, отшельник» (6, 407); «...ведь вы, уж конечно, не нигилист! (...) гражданина и человека я всегда ощущать в себе обязан...» (6, 408). Это последнее замечание особенно значимо. В нем — капитальнейший из оправдательных доводов Родиона Раскольникова, с первого удара разрушенный циником Свидригайловым: «...понимаю, какие у вас вопросы в ходу: нравственные, что ли? вопросы гражданина и человека? А вы их побоку; зачем они вам теперь-то?.. Затем, что все еще и гражданин и человек? А коли так, так и соваться не надо было; нечего не за свое дело братья» (6, 373). По словам Б. Н. Тихомирова, в «пустопорожней болтовне поручика Пороха слова о „человеке и гражданине“ выполняют особую художественную функцию (...) „собирая в фокус“ в кульминационном эпизоде явки героя с повинной всю „раскольниковскую ситуацию“». ⁶ С этой же целью автор вкладывает в уста Пороха несколько весьма нелицеприятных замечаний о Заметове. Прохаживаясь на его счет, он тем самым утверждает свое собственное мелкое величие, так же как когда-то утверждал его, оскорбляя Раскольникова. Илья Петрович велик только относительно кого-то, стоящего на более низкой социальной ступени, кровавый Наполеон Раскольникова велик только относительно «тварей дрожащих». Их величие не абсолютно, а относительно.

Венчает историю болезни главного героя в изложении поручика Пороха указание на возможное лекарство: «...я вот заболел, ну позову ли я девицу лечить себя?» (6, 408). Раскольников, конечно, не позовет. Нынешний Раскольников — страшный Раскольников, сокровеннейшие мысли которого выбалтывает шут Илья Петрович, превращаясь в его карикатурного двойника. Он, впрочем, был им с самого начала. В этом мелком тиране дают о себе знать черты несостоявшегося крупного. За это-то карикатурное сходство и ненавидит его Раскольников, так же как ненавидит Лужина, ненавидит и — боится, так же как боится самого себя. Об этом его сон после возвращения из конторы. Илья Петрович, жестоко избивающий хозяйку, — это сам «убивец» (6, 209), с остервенением истребляющий в себе все «разумное, доброе, вечное» ради «проклятой мечты» (6, 50). Это «кровь в нем кричит» (6, 92). Именно поэтому Достоевский и сталкивает

⁶ Тихомиров Б. Н. «Лазарь! гряди вон» Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении. Книга-комментарий. СПб., 2005. С. 418.

их в финальной сцене: сталкивает героя с собственным уродством, сквозь льстивые речи которого прорываются реплики «народного хора».

Мы рассмотрели образы двух квартальных надзирателей, которых Раскольников встречает в самом начале и в самом конце пути между преступлением и покаянием. Их сюжетная роль заключается в том, что своими сомнениями и подозрениями они запускают процесс преследования истинного убийцы. В роли преследователей герои выступают примерно до середины романа, затем сходят со сцены. Илья Петрович уступает место Порфирию, Никодим Фомич — Соне.

Символическое значение этих персонажей раскрывается через их восприятие Раскольниковым, делающим мучительный выбор, кому именно принести явку с повинной. Квартальный надзиратель с самой сцены в конторе становится для него воплощением доброты, человечности и справедливости. Первым адресатом своего признания он выбирает именно его, однако, уже идя признаваться, неожиданно меняет решение. Мягкость Никодима Фомича так же невыносима для «убийца», как и мягкость Сони. Раскольников не может просто сдать-ся на милость правосудия: ему трудно вынести эту милость по отношению к себе. Сам факт своей явки после предложения Порфирия сделать «сбавку» (6, 350) он считает подлостью. «Убийца» не может сдать-ся без борьбы, поэтому выбирает Илью Петровича, который оказывается искривленным отражением его самого. Раскольников виноват перед людьми и перед Богом, но в не меньшей степени он виноват перед самим собой, поэтому, прежде чем указать герою путь к исцелению, Достоевский дает ему возможность заглянуть самому себе в глаза и увидеть, что он с собой сделал. Таким образом, встреча с поручиком Порохом, на первый взгляд малозначительная, по сути, один из важнейших уроков, полученных Раскольниковым в ходе романа, и предостережение всем, кто захочет последовать его примеру. От большого тирана до маленького — один шаг.